

РЭЙ ХАРТ

ГОРЯЧИЙ СЫН
МОЕЙ ПОДРУГИ

18+

Рэй Харт

Горячий сын моей подруги

<https://litres.ru/73919999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела просто отдохнуть. А нашла запретную любовь, за которую придётся заплатить.

Марина не искала приключений. После болезненного развода она прилетела в Грецию, чтобы спрятаться от одиночества в доме лучшей подруги. Море. Вино. Тишина. И никаких мужчин.

Платон — девятнадцатилетний сын подруги. В её памяти он остался смешным веснушчатым мальчишкой. Сегодня это высокий, красивый парень, чьё тело заставляет забыть о возрасте. А взгляд — о приличиях.

Искра между ними вспыхивает мгновенно. Но ни один из них не готов признать: это не просто страсть.

Но у каждой запретной любви есть цена. Марина теряет контроль над собой, над ситуацией, над своим сердцем. А Платон... Платон готов бросить всё, лишь бы она осталась.

Рэй Харт

Горячий сын моей подруги

Пролог.

«Взрослые никогда не скучают?»

Я не верю в судьбу. Ни в знаки, ни в предопределение, ни в эту чушь про «встречи, которые меняют жизнь». Жизнь меняют только собственные идиотские решения. И у меня за плечами их было достаточно, чтобы знать: Вселенная равнодушна. Она не рисует тебе стрелок на асфальте, чтоб подсказать правильное направление.

Поэтому, когда таксист высадил меня у знакомых ворот, я думала только о трёх вещах.

Адская жара. Бутылка белого вина, которую я везла в подарок. И томная пустота внутри — та самая, что появляется после развода, когда понимаешь: десять лет брака растворились, как аспирин в стакане воды. Остался только горький и противный осадок на дне.

Лариса ждала на крыльце. Моя подруга — единственная, кто не твердил «я же говорила», когда мой бывший муж укатил в закат с молодой и упругой фитнес-тренершей. Лара просто прислала мне билет на самолёт.

«Прилетай, Мариш. Подышишь морским воздухом. Море будет принадлежать только нам троим — тебе, мне и бока-

лам с алкоголем в наши руках».

Как я могла отказать лучшей подруге, в её просьбе?

Я вылезла из машины, и греческий август ударил мне в лицо всем, чем мог. Олеандры за забором пахли горьким миндалём. Цикады надрывались так, будто оплачивали ипотеку своим голосом. А за спиной у Ларисы — в дверях террасы — стоял он.

Я не узнала его сначала. Потому что в моей памяти Платон остался тем девятилетним пацаном с оттопыренными ушами и смешными веснушками на щеках. Тем, кто показывал мне коллекцию камушков с пляжа. Тем, кто спрашивал: «Тётя Марина, а правда, что взрослые никогда не скучают?»

Сейчас он заполнял собой дверной проём.

Я не преувеличиваю. Сто девяносто сантиметров! Или чуть меньше. Но когда кто-то стоит так, будто дверь сделана под него — это замечаешь. Широкие плечи, обтянутые серой хлопковой футболкой. Руки. Боже, руки — с чёткими венами, спускающимися от локтей к запястьям. Загар. Такой ровный, средиземноморский — не пляжная полосатая пестрота, а сплошное золотистое полотно на коже.

Лицо он поднял — и я увидела глаза. Тёмные. Как маслины, вымоченные в вине. В них не было детского интереса. Только любопытство. То самое, опасное — когда мужчина смотрит на женщину не как на «мамину подругу», а как на...

Не додумывай, Марина. Прошу, остановись!

— Марина! — Лариса обняла меня с такой силой, что я

едва не выронила пакет с вином. — Ты! Наконец-то! Два года! Два грёбаных года, мы не виделись!

— Ларис, ты меня задушишь, — прохрипела я, но не менее крепко, обняла в ответ. От неё пахло выпечкой и тем самым греческим пирогом с фетой, который она делала лучше всех в мире.

— Иди сюда, — подруга отстранилась, сжала мои плечи, оглядела с головы до ног. — Господи, ты вообще не меняешься. Та же талия. То же лицо. Я завидую, чёрт возьми!

— Лара, прекрати.

— Правда. Тридцать восемь? Да ты на свои тридцать не тянешь.

— Ты льстишь мне.

— Я серьёзно. — Она обернулась. — Платон! Иди поздоровайся. Ты же помнишь тётю Марину?

Он сделал шаг вперёд, и я почувствовала — физически, животом — смещение воздуха. Это глупо. Воздух не может смещаться, когда идут на встречу. Но в груди стало теснее.

Он смотрел сверху вниз. Почти на две головы выше, хотя я в босоножках на каблуке, он в сандалиях, но разница очень сильно чувствовалась.

— Конечно, помню, — протянул он, с полуулыбкой.

Этот голос. Я ожидала услышать юношескую ломкость, хрипотцу переходного возраста. Вместо этого — низкий, обволакивающий баритон. Как будто Платон, был вдвое старше своего возраста.

Он протянул руку. Но не ладонью для рукопожатия — а раскрытой, запястьем вверх. Жест, которого я не видела ни у одного взрослого мужчины, не то что у парня его возраста.

— Здравствуйте, тётя Марина.

«Тётя».

Правильно. Всё правильно, идиотка! Ты на девятнадцать лет старше. Ты носила его на руках, когда у него резались зубы. Ты вытирала ему сопли и клялась Ларисе, что «мальчики перерастут все свои капризы».

Я вложила свою ладонь в его. Пальцы сомкнулись — не сильно, не слабо. Именно так, как держат, то чем заинтересованны.

— Здравствуй, Платон, — выдохнула я почти ровно. — Ты так вырос.

Вырос? Кретинка. Он не вырос. Он выстрелил. Взорвался. Переписал заново всё, что я знала о подростках, которых видела последний раз десять лет назад.

— А мне казалось, тётя Марина, что для тебя я навсегда останусь маленьким, — угол его красивых губ дёрнулся вверх.

Лариса уже тащила чемодан в дом, не глядя на нас. И правильно. Если бы она посмотрела на моё лицо в ту секунду, она бы что-то сразу заметила.

И этого не должно было случиться!

Я отдёрнула руку первой.

— Помоги с сумками, Платон.

— Конечно, — кивнул он. — Тётя Марина.

Трижды повторил слово «тётя» за две минуты. Будто пробовав его на вкус. Будто проверял — как оно царапает ухо. Моё ухо.

Глава 1. Дверной проём

Дом Ларисы и Янниса — это не дача в подмосковном посёлке. Это внушительное строение из белого камня, которое лепится к скале как ласточкино гнездо. Терраса висит над морем так, что в шторм брызги долетают до перил. Комнаты — лабиринт из узких коридоров и неожиданных ступенек. Греция. Здесь всё построено для того, чтобы ты спотыкался и хватался за стены. Или за руки людей.

Мою комнату определили на втором этаже, окнами на запад. Яннис, муж Ларисы, втащил чемодан, чмокнул меня в щёку своей колючей щетиной и скрылся так же быстро, как появился. Хороший мужик. Но совершенно тихий. В своё время я удивлялась, как такая огненная и темпераментная женщина, как Лара, уживалась с ним целых двадцать лет. Но греческие браки — это отдельная тема. Там женщины командуют, а мужчины делают вид, что так и должно быть.

Я разобрала вещи. Разложила кремы на туалетном столике. Поправила постель, ведь даже в гостях я не выношу смятой простыни. Достала книгу, которую везла специально, чтобы прочитать в этом незапланированном отпуске. Поста-

вила бутылку воды на прикроватную тумбу, рядом с книгой.

В общем, делала всё, чтобы не думать о том, как Платон смотрел на мою руку в своей.

Глупо. Он ребёнок. Сын подруги. А тебе, через два года стукнет сорок.

Но тело предательски реагировало. Его горячие ладони — тепло длинных пальцев. Его взгляд, который упёрся мне между лопаток, когда я проходила мимо него в прихожей. Я всё видела в зеркало.

В дверь постучали. Коротко. Два удара.

Тук-Тук.

— Заходи, Лар, — крикнула я, доставая из косметички мицелярную воду.

Дверь открылась. Вошёл Платон.

Вот чёрт!

— Мама просила принести тебе и передать, — он держал в руках поднос, на котором стояла тарелка со спелой дыней и стакан с чем-то оранжевым, — что ужин через час. И это тоже тебе. Сок из спелых апельсинов. Я сам выжимал.

— Спасибо, Платон. Мог и просто позвать вниз.

— Мог. — Он поставил поднос на комод. Отошёл на шаг и не ушёл. Встал прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел, как я ищу салфетки.

Так смотрят не на «тётъ». Так сморят на новый автомобиль соседа, который ты хотел купить.

— Ты хотел что-то ещё?

— А должен хотеть?

— Ты стоишь в дверях моей спальни.

— Твоей спальни? — Он приподнял густые тёмные брови. — Это комната для гостей, тётя Марина. Она — общая. Просто сейчас ты в ней будешь спать.

Я повернулась к нему лицом. Взяла себя в руки — буквально, сложив локти замком. «Не показывай ему, что тебя это задело. С этими мальчишками только так. Они чувствуют неуверенность женщины за версту».

— Твоя мама говорила, ты учишься в Салониках. На кого?

— Бизнес-информатика.

— Тебе подходит.

— Что именно? — Он улыбнулся — открыто, не так, как на крыльце. И эта улыбка стала опаснее, чем его пристальный взгляд. Потому что в ней сквозило: «А ты мне нравишься. И я знаю, что ты это видишь».

— Серьёзность, — нашлась я. — В твоём возрасте мальчишки обычно играют в футбол и пьют пиво с друзьями.

— А ты знакома со многими мальчишками моего возраста?

Диалог заходил на запретную территорию. Я уже раскрыла рот, чтобы отшить его — шутливо, по-взрослому, с той иронией, которая всегда работала с нахалами.

Но снизу позвала Лариса.

— Дети! Ужин!

Слово «дети» повисло между нами как ледяной компресс.

Платон нехотя отклеился от косяка.

— Ещё увидимся, — бросил он и вышел в коридор.

Я выдохнула. Только сейчас заметила, что задержала дыхание.

Ужинать мы расположились на террасе. Яннис жарил на гриле кальмары — от них шёл такой дымный, пряный запах, что мой рот наполнился слюной ещё до первого куса. Лара нарезала томаты, полила их оливковым маслом и посыпала душицей. Греческий салат, мой любимый, его не бывает слишком много.

Платон устроился напротив меня. Сначала я думала, это случайно. Но когда он дважды пересел — сначала подо двинулся ближе к Яннису, потом пересёкся взглядом со мной и переставил стул так, чтобы сидеть именно напротив — я перестала верить в случайности.

Лариса рассказывала про новых шумных соседей, про туристов, которые в этом году заполонили берег, про дурацкий штраф за парковку, который несправедливо выписали Яннису. Я кивала, смеялась в нужных местах, но краем зрения наблюдала за Платоном. Он ел медленно, со вкусом. Брал кусок хлеба, макал в соус, подносил ко рту. Обычные движения. Но почему они выглядели так демонстративно?

— Марин, ты слушаешь?

— Да, Лар. Про парковку.

— Я про Анжелу говорю. Она родила четвёртого. Представляешь, в сорок два. Говорит, не планировала, но вышло

счастливого недоразумение.

Я усмехнулась:

— Счастливого недоразумение. Хороший эпитет для ребёнка.

— А у тебя, — Лариса на секунду запнулась, но всё же спросила, — больше не было никого? После развода?

Тишина за столом стала смущенной. Яннис кашлянул в кулак. Платон уставился в тарелку. Эта тема, не для разговора за столом.

— Нет, — ответила я, краснея, как неопытная девица. — Никого.

— Но прошло уже два года.

— Лар. Давай не сейчас.

— Прости. Я просто переживаю. Ты красивая, умная. И сидишь одна в этой своей Москве, как...

— Как камень в море, — закончила я за неё и быстро улыбнулась. — Я знаю. Но мне так нравится.

Это ложь. Мне абсолютно, не нравилось! Одиночество — это как долговременная анестезия, которая перестает работать через полгода, а потом ты просто учишься жить заново, изредка мучаясь фантомными болями, как после ампутации конечности.

После ужина, Яннис принёс свой любимый метаксу — пятизвёздочный, тёмный, тягучий. Лара налила себе полную рюмку, мне — треть. Платону отец налил тоже — и он выпил, не поморщившись, легко так, словно пил колу.

— Нравится? — спросил Яннис.

— Не хуже виски, — ответил сын.

Отец усмехнулся, потрепал его по затылку — по-мужски, без лишнего сюсюканья. И я заметила: у них приятные уважительные отношения. Яннис не относился к Платону как к ребёнку. И Платон отвечает ему той же гармонией.

Лариса подключила колонку к телефону, заиграла греческая медленная мелодия, с бузуки, тягучая и расслабляющая. Я сидела, смотрела на тёмное море внизу, на огни проплывающих яхт, и чувствовала, как напряжение после перелёта потихоньку стекает с моих плеч.

— Пойду немного остыну, — выдохнула я, вставая. — Жарко так.

— У нас внизу душ на пляже, — бросила Лариса. — Хочешь, провожу?

— Спасибо, Лар. Сама найду.

Я спустилась по каменной лестнице, вырубленной прямо в скале. Тридцать ступеней. На последней неудачно подворачиваю лодыжку — надо было не пить даже треть этой рюмки. Чёрт!

Пляж был маленьким, песочным с галькой, общим на три дома — Ларисы и двух соседних вилл. Сейчас, в половине двенадцатого ночи, там никого не оказалось.

Душ — обычная труба с лейкой, воткнутая в скалу — давал чуть тёплую воду, нагретую за день. Я встала под него, не раздеваясь. Лёгкое платье намокло мгновенно, прилипло

к животу, к бёдрам. Не беда. Вещи я никогда не жалею.

Вода текла по лицу, по шее, в вырез декольте. Я запрокинула голову, закрыла глаза от удовольствия.

Спустя пол минуты услышала шаги по гальке. Я не оборачивалась специально. Надеялась, что это сосед. И что он пройдёт мимо.

— Ты забыла полотенце, — протянул Платон.

Я открыла глаза. Он стоял всего в трёх шагах от меня. В руках держал махровое полотенце, большой синий рулон. На нём были те же шорты и футболка. Под футболкой проступал рельеф его пресса, откровенный, я бы даже сказала наглый. Влажная ткань прилипла к груди так же, как платье прилипло к моему телу.

— Спасибо, — я взяла полотенце. — Можешь идти. Я скоро вернусь.

— А если не хочу?

Моё сердце гулко застучало. Как в тот раз, когда в семнадцать лет я впервые прыгнула с тарзанки.

— Платон.

— Я просто смотрю, — он не двинулся с места. — Ты красивая, тётя Марина. Даже очень.

— Это неуважение.

— К кому?

— К твоей матери. Ко мне. К себе, в конце концов.

Он сделал шаг ближе. И остановился в полуметре. Я чувствовала запах его кожи — соль, солнце, гель для душа.

— Моя мать заснула на террасе. Отец убирает гриль. У нас есть минут десять.

— Для чего?

Он медленно протянул руку. Очень медленно — так, что я могла отшатнуться сто раз. Но я этого не сделала.

Его пальцы коснулись моего плеча — там, где мокрое платье открывало кожу.

— Для того, чтобы ты перестала врать себе, — сказал он тихо. — Ты совсем не хочешь, чтобы я уходил.

Я и правда не хотела.

Вот это было страшнее всего.

Я взяла его за запястье очень крепкое и сильное, с твёрдой костью, с бьющейся под кожей голубой веной — и отвела его руку в сторону.

— Десять минут прошли, — сказала я. — Спасибо за полотенце. Спокойной ночи, Платон.

Развернулась и пошла к лестнице. Каблуки вдавливались в песок, платье хлюпало, а моя челюсть была сжата так, что ныли зубы.

Он не окликнул. И не стал меня догонять. Это было хуже, чем если бы позвал.

Потому что тишина за спиной означала: он всё понял. Он знал, что я солгала. И что завтра — или через день — он повторит свою попытку.

А я позволю.

Потому что в тридцать восемь лет устаёшь быть правиль-

ной. Устаёшь выбирать удобное. Устаёшь просыпаться в постели, где вторая сторона постели пустая и холодная.

И однажды ночью, под греческими звёздами, когда из динамиков доносится музыка, от которой хочется танцевать бёдрами — ты понимаешь: то, что ты называла покоем, было просто долгой серией ответов «нет».

А «да» всё это время ждало.

Глава 2. Горький кофе

Я проснулась от того, что кто-то дышал мне в затылок.

Секунда паники — чужая постель, чужой запах, чёрт, где я? — и память щёлкнула, как переключатель скорости. Греция. Дом Ларисы. Гостевая комната. Я одна.

Никто не дышал. Просто окно выходило на запад, и утренний бриз шевелил занавески, нагоняя влажный воздух с моря.

Я резко села. Простыня сползла, открывая бледные плечи — вчера я заснула в одном белье, даже не сняв браслет с левой руки. А в ушах всё ещё звенела та музыка с террасы. И его голос.

«Ты красивая, тётя Марина».

В зеркале на комоде отражалась женщина, у которой под глазами залегла тень после бессонной ночи. И которую это почти не портило. У меня хорошая генетика. Я люблю спорт. И привычка не заливать стресс вином, а выбегать на десяти-

километровую пробежку. В Москве это хорошо работало.

Я натянула лёгкий халат — шёлковый, короткий, цвета кофе с молоком — и вышла на маленький балкончик. С него было видно море, кусок террасы внизу и часть соседской рощи с оливковыми деревьями.

Лариса уже возилась на кухне. Я слышала звон посуды, шипение масла на сковородке, её голос — она разговаривала сама с собой, старая привычка. Янниса не было слышно. Платона — тем более.

Хорошо. Не надо встречаться с ним с утра пораньше, когда у меня ещё нет защиты от его цепкого взгляда.

Я не торопясь приняла душ. Смыла сон и остатки вчерашней растерянности. Нанесла крем на влажную кожу, долго втирая его в ноги, в живот, в шею. Уход за собой — это не косметика. Это медитация. Или оружие. Смотря с какой стороны посмотреть.

Оделась просто: белые льняные шорты, чёрный топ с открытыми плечами, вьетнамки. Волосы собрала в низкий пучок. Минимум макияжа — тушь, бальзам для губ, капля хайлайтера на скулы, чтобы лицо не выглядело плоским.

Когда я спустилась, Лариса уже накрывала стол на террасе.

— Доброе утро, соня! — она чмокнула меня в щёку. — Как спалось?

— Спала без задних ног, — слукавила я. — Море укачало. — Ага. Море. — Лара хитро прищурилась. — А может,

воздух?

— И воздух.

— Ну-ну.

Подруга поставила передо мной тарелку с йогуртом, мёдом и грецкими орехами. Рядом — чашку с кофе. Кофе в этом доме пили из маленьких чашек, чёрный, густой, с осадком на дне. Я люблю его именно таким. Без молока. Без сахара. Горьким.

— Яннис уехал в город за стройматериалами, — сказала Лара, садясь напротив. — Вернётся к вечеру. Платон ещё спит, наверное. Вчера долго не ложился.

Я не спросила «почему». Я вообще сделала вид, что меня это не касается.

— Куда пойдём сегодня? — спросила я вместо этого.

— А никуда, — Лара откинулась на спинку стула. — Первый день — акклиматизация. Пляж. Море. Мягкий лежак в тени. Ты слишком много работала, Марин. Я вижу эти круги под глазами, даже сквозь твою тоналку.

— Я не наносила тоналку.

— Тем более.

Мы спустились на пляж около одиннадцати. Лариса расстелила два больших полотенца, водрузила на них сумку с водой, фруктами и книгой, и с видом королевы устроилась в тени скалы.

Я не люблю просто лежать. Мой мозг не умеет выключаться по команде. Поэтому я зашла в воду — и поплыла. Туда,

где волны уже не просто лизут ступни, а берут за талию, переворачивают, заставляют работать руками, ногами, каждым мускулом моего тела.

Вода была тёплой — градусов двадцать семь, наверное. Прозрачной, как слеза. Подо мной проплывали камни, поросшие водорослями, иногда мелькала серебристая рыбёшка. Я плавала минут двадцать, потом вышла, вытерлась и плюхнулась на полотенце рядом с подругой.

— Ты в отличной форме, — заметила Лара, не отрываясь от книги. — Ходишь в зал?

— Пилатес. И бег.

— Одна?

— Одна.

Она помолчала. Потом сказала:

— Знаешь, есть разница между «одна по собственному желанию» и «одна, потому что страшно снова вляпаться».

— Лар.

— Молчу, молчу. — Она подняла ладони. — Просто я тебя люблю. И не понимаю, почему ты хоронишь себя заживо.

— Я не хороню себя. Я просто живу.

— В Москве? С восьми до восьми? В квартире, где из живых существ только фикус?

Я засмеялась:

— Фикус умер, между прочим.

— Вот именно.

Я хотела ответить что-то колкое, но в этот момент из воды

вышел Платон.

Я не слышала, как он заходил в море. Не видела, как плыл. Но когда он выходил — мимо нашего лежбища, в двух метрах — я увидела всё. Капли на лопатках. Воду, стекающую по позвоночнику в резинку плавок. Плавки были тёмно-синими, короткими, облегающими. Того кроя, который оставляет мало места для воображения.

Он шёл медленно. Не потому, что хромал или устал. А потому что знал — на него смотрят. И ему это жутко нравилось.

Лариса, естественно, не заметила ничего, он её сын.

— Платон! Принеси нам воды из холодильника, пожалуйста! — ста!

Он кивнул, скользнул взглядом по мне — ровно на несколько секунд дольше, чем нужно для приветствия — и пошёл к лестнице.

Я выдохнула. И поймала себя на мысли, что дышала через раз, всё то время, пока он проходил мимо.

Это уже закономерность.

После обеда Лариса ушла вздремнуть — у неё была традиция, средиземноморская сиеста, с трёх до пяти. Яннис еще не вернулся из магазина. Я осталась на террасе одна, с ноутбуком — проверить почту, чтобы не думать, что в Москве без меня всё рухнуло.

Три письма от рекламных рассылок и одно от бывшего

мужа — «Забыл у тебя свои лыжи. Можешь отдать Володе?» Володя — его лучший друг. Даже находясь в разводе, он умудрился впихнуть своего собутыльника в мою жизнь.

Я закрыла ноутбук, отодвинула его на край стола. Положила ноги на соседний стул. И закрыла глаза.

Через пару минут тень упала на мои веки.

— Не спи здесь, — сказал Платон. — Тебя продует.

— Откуда такие заботы? — спросила я, не открывая глаз.

— Вчера ты был смелее.

— Вчера была ночь.

— А сегодня день. И что?

— А сегодня, — я услышала, как он садится рядом — скрипнул плетёный стул, — я хочу извиниться.

Я открыла глаза. Он сидел напротив, положив локти на колени. Волосы ещё влажные. Он смотрел прямо на меня. И совершенно спокойно.

— Извиниться? — Я мастерски сыграла удивление.

— За вчерашнее. Я перешёл границу.

— Какую?

— Ты знаешь какую.

Он не отводил взгляд. Я ждала, что он улыбнётся, съязвит, скажет «шучу, тётя Марина». Но он молчал. И серьёзность его была самой настоящей.

— Извинения приняты, — коротко бросила я.

— Вот так просто?

— А что ты хотел? Чтобы я устроила сцену? Потребовала,

чтобы твоя мать выпорола тебя?

Он фыркнул. Фыркнул — как нормальный девятнадцатилетний парень, а не тот опасный мужчина, которым он приотворялся в темноте.

— Мать меня уже давно не порола.

— Жаль, — я взяла свой стакан с водой, сделала глоток и улыбнулась. — Тебе бы не помешало.

— Ты так считаешь?

Я посмотрела на него поверх стакана.

— Я считаю, Платон, что ты играешь во взрослого. И делаешь это хорошо. Но игра и реальность — это совсем разные вещи.

Он наклонил голову, рассматривая меня так, будто я только что сказала что-то очень интересное.

— А ты, тётя Марина, считаешь, что взрослость — это когда перестаёшь хотеть?

— Взрослость — это когда умеешь отличать «хотеть» от «стоит ли».

— И вчера ты решила, что не стоит?

Вопрос повис в воздухе. Я могла солгать этому несносному мальчишке. Могла сказать «да». Могла встать и уйти, оставив его одного с его самоуверенностью.

Я не сделала ничего из этого.

— Я решила, что нам стоит сначала выяснить, — сказала я, ставя стакан на стол, — кто из нас на самом деле кого проверяет на прочность.

Он молчал несколько секунд. Потом его губы тронула та самая полуулыбка — не широкая, не наглая, а скорее заинтересованная.

— Хорошо, — протянул он. — Давай выяснять.

Встал и ушёл в дом, оставив меня на террасе.

Стакан дрожал в моей руке. Я поставила его, прежде чем вся вода расплескалась.

«Кто кого проверяет?

Господи, Марина. Ты что, только что сама напросилась?»

Глава 3. Врушка

Мы не говорили с Платоном следующие два дня.

Вообще. Ни слова. Ни взгляда, который длился бы дольше положенного. Я стала экспертом по уклонению — поворачивалась боком, когда он входил в комнату, выходила из-за стола, если он садился рядом. Лариса по-прежнему ничего не замечала. Яннис — тем более. У них была своя счастливая жизнь, без эмоциональных потрясений.

Греческая жизнь двигалась медленно, как улитка. Утро — море. День — сиеста. Вечер — долгий ужин на террасе, где я пила белое вино, смотрела на огни дорогих яхт и делала вид, что меня не разрывает изнутри.

На третий день я сдалась.

Это случилось вечером. Лариса с Яннисом ушли в гости к

соседям — те самые, у которых было четверо детей. Платон остался дома — «мне нужно доделать курсовую», пояснил он. Я тоже могла пойти с ними. Меня звали. Но я вежливо отказалась.

— Устала, — соврала я. — Хочу лечь пораньше.

Лариса чмокнула меня в щёку и ушла, оставив дом на нас двоих.

Я сидела на террасе, закутавшись в кардиган — вечера здесь были прохладными, обманчивыми после дневного пекла. Передо мной стоял бокал, кажется, уже третий. Я пила быстрее обычного. Потому что нервы были натянуты, как струны, и алкоголь был единственной вещью, которая могла их ослабить.

Платон вышел через час. Сел напротив, на перила террасы, свесив ноги вниз. Опасный мальчишка. Одно неверное движение — и два метра вниз, на камни.

— Сладкое? — спросил он, кивнув на моё вино.

— Полусухое.

— Я про тебя.

Я не ответила. Потому что не знала, ответить честно или продолжать защищаться.

— Два дня, — сказал он тихо. — Ты два дня меня избегаешь.

— Ты считал?

— А ты бы не стала?

Вот тут он меня поймал. Я считала каждый раз, когда мы

оказывались в одной комнате. Каждый его шаг, каждый поворот головы. Я запоминала, как падает свет на его ключицы, когда он наклоняется за чем-то. Как двигаются лопатки под футболкой. Как пахнет его кожа, когда он проходит мимо — в двух шагах от меня.

Я безумно его хотела.

— Платон, — пробормотала я, глядя на море. — Это не приведёт ни к чему хорошему.

— А что такое «хорошо»?

— Когда безопасно. Это именно то, о чём не придётся жалеть потом.

— Ты часто жалеешь о том, что делаешь?

— В молодости я редко думала об этом. Сейчас сожаление — мой постоянный спутник.

Сын Ларисы ловко спрыгнул с перил. Приземлился бесшумно, как кошка. Сделал шаг ко мне. Потом ещё один.

Я не отодвинулась ни на сантиметр.

— Ты боишься, — протянул он.

— Умные люди всегда боятся.

— Марина. — Он сказал моё имя без «тёти». В первый раз за всё моё время проведённое здесь. И это прозвучало так, будто раздел меня донага. — Посмотри на меня.

Я посмотрела. И я повиновалась. Потому что в его голосе была сила, которая не терпела отказа. Не грубость. А власть. Та, которую он, возможно, даже не осознавал.

Он стоял так близко, что я чувствовала жар его тела. Его

лицо находилось в полуметре. Я видела каждую родинку. Каждую длинную ресницу. То, как его зрачки расширены. Желание или интерес? Или то и другое?

— Я не хочу играть, — выдохнул он. — И я давно не ребёнок, которого ты помнишь. Я мужчина. И ты это видишь. Иначе бы не сбегала от меня все эти дни.

— Я не сбегала.

— Сбегала. — Он поднял руку и коснулся моего подбородка — кончиками пальцев, почти невесомо. Заставил поднять лицо выше. — Ты сбегала, потому что боялась. А сейчас, ты почему то не уходишь.

«Потому что я выпила. Потому что твоих родителей нет дома. Потому что я вдруг, нахрен, устала быть ответственной взрослой женщиной, которая всегда знает, что правильно, а что нет».

— Чего ты хочешь, Платон?

— Скажи, что я тебе не безразличен. Скажи, что думала обо мне все эти ночи. Что просыпалась и не могла заснуть. Так же как я.

— Ты не можешь...

— Могу. — Его пальцы скользнули с подбородка на шею — туда, где бился пульс. И я знала, что он его чувствует. Мой пульс стучал как бешеный. — Потому что я чувствую то же самое.

Я закрыла глаза. Это была ошибка. Потому что без зрения обострилось всё остальное. Его дыхание на моей щеке. Запах

его молодого и сильного тела. И тепло. Боже, какой от него шёл жар.

— Поцелуй меня, — выпалила я. И сама не поверила, что произнесла это вслух.

Тишина.

Я удивлённо открыла глаза. Платон не двинулся. Он смотрел на меня — и в этом взгляде было что-то, что я не могла прочитать.

— Ты первая, — пробормотал он. — Я не буду настаивать. Если ты сейчас скажешь «нет», я немедленно уйду. И больше не подойду, за весь твой отпуск. Но если ты хочешь поцелуй, то сделай это сама.

Он давал мне выбор. Всю власть. И ответственность.

Умный. Охренеть какой умный.

Я потянулась к нему. Давая ему время изменить свои намерения.

Он не стал этого делать.

Мои губы коснулись его губ — сначала уголка, потом всей поверхности. Они были удивительно мягким для того, кто выглядел так по-мужски. И тёплым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.